

**ЕС И РОССИЯ В 2007 ГОДУ:
ДОГОВАРИВАЯСЬ О НОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

25 – 26 мая 2007 года
Maritim Park Hotel, Рига, Латвия

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ

**Первая сессия: НОВЫЕ ОСНОВЫ ОТНОШЕНИЙ ЕС-РОССИЯ: ПРИНЦИПЫ,
ИНТЕРЕСЫ, ПРОЦЕСС**

ДИСКУССИЯ

Надежда Арбатова: «Я думаю, что у нас, конечно, есть какие - то совпадения, но я думаю, что мой коллега Фабрицио Тассинари представил два прямо противоположных подхода к отношениям России и ЕС. Я знаю взгляды Фабрицио давно, мы с ним неоднократно встречались на конференциях. Но даже если бы мы с ним не встречались на конференциях, то я могла бы сказать, что в России есть абсолютно интеллектуальные двойники Фабрицио Тассинари, которые выступают с этой позиции. Что меня удивило в выступлении, это разная интерпретация одних и тех же фактов и событий.

Фабрицио упомянул о том, что Россия была включена в первый вариант политики соседства, она называлась Wider Europe – Широкая Европа. И Россия сама не захотела быть частью этой политики. Но сказать такое, это значит не понимать, как это выглядело для России. Я напому вам, что в первом варианте Широкая Европа, Россия была поставлена в одну группу с Южно - Среднеморскими странами Марокко и Тунисом. И когда, так сказать, этот проект был опубликован, мы не знали, как к нему относиться. Вообще что это такое? Полное непонимание места России. Россия граничит со странами ЕС, в то время как Марокко, извиняюсь, находится далеко за морем. Вообще, что это такое? Как это понимать? Или это некий акт пренебрежения, это вот показать, что ваше место там где-то среди всех. И удивительное было единодушие. Этот проект критиковался как сторонниками самого тесного сближения ЕС, людей моих взглядов, так и противниками, которые говорили – ну, что же это такое? Куда же Россия, которая закончила фактически Холодную войну, которая дала Европе беспрецедентную безопасность и не понимают, совершенно, где её место.

По поводу того, что говорил Фабрицио о тех альтернативах, которые у нас есть - не иметь договора вообще, и привел пример США и ЕС. Но опять же, это на мой взгляд. У нас тоже в России часто говорят – давайте строить отношения как США и ЕС. Но извините меня, Россия имеет границу. Россия физически находится в Европе. США находится далеко, это абсолютно разные страны, я даже не говорю о том, чисто геополитически. Одно дело ваш сосед, который живёт у вас за забором и вам надо строить с ним отношения, а другое дело это страна, которая находится за океаном. Как можно сравнивать вот эти вещи? Более того, стабильность в Европе зависит от того, как будет развиваться Россия, какую политику она будет проводить в своём ближайшем соседстве с ЕС. Удивительное непонимание таких, на мой взгляд, очевидных вещей. Причём оно существует и у нас в России. Чисто ЕС явления.

По поводу стратегического союза и политической декларации. Я считаю, что не один серьёзный политик не заменит существующий договор, каким бы не совершенным он не был, просто политической декларацией. Это, в общем, расписаться в своей собственной несерьёзности. Стратегический союз, замечательно! Стратегический союз это было бы прекрасно, но стратегический союз по своему уровню это гораздо выше, чем договор о стратегическом партнёрстве. Союз заключается между самыми близкими союзниками,

между партнерами, у которых практически нет никаких разногласий. Вот, собственно то, что я хотела сказать.

И возвращаюсь к тому, что говорят - Россия сама не захотела быть там. Но вы знаете, есть такие приглашения, которые просто невозможно принять. И я напомним, что был первый драфт, первый проект стратегии безопасности ЕС, так называемый документ Соланы, где Россия была тоже включена в группу с Китаем, Индией, Японией. Это все замечательные страны! Но Россия, она - то находится поближе к ЕС. В окончательном варианте этого не было, но в первом варианте это было. И у нас уже в Москве, и вообще в России в целом, перестали даже это воспринимать с обидой. Это воспринимают как некую данность, ну не хотите, не надо».

Michael Webb. On this question about the neighborhood policy. It probably was a mistake to offer it to Russia. But it was a mistake made out of the best of intentions, because Russia clearly is a neighbor of the EU. And it would have been a little odd to construct a neighborhood policy and not to include Russia in it. So the thought was that this offer, which is a generous offer in many ways that we were making to the other countries we should also make to Russia - our main neighbor. But that doesn't detract from the fact that Russia is not only a neighbor, but also a strategic partner. And it probably would have been more sensible to include the neighborhood aspects into the strategic partnership rather than to try to include the strategic aspects into the relationships with Russia that are dealt with through the neighborhood policy. And, in effect, that's what we've ended up doing and I think we've got over that mistake.

Second point I wanted to make is this question about minimal agreement, or framework agreement. We all agree, I think, that what we are going for is a framework agreement. We will not include into details things that existed on visa facilitation agreement, re-admission agreement, or the science technology cooperation agreement or that sort of thing. The only disagreement that is likely to come up is what we mean by a framework agreement. The EU will not, I think, be able to accept an empty shell. We will not want a series of empty words and nothing else. So we will want some concrete commitments inside this framework agreement. Otherwise it will not be ratified by the European Parliament or by a number of parliaments inside member states. So, we all agree that it will be framework agreement, but what we actually mean by a framework agreement, when we come to negotiation? Well, that's why we should get on with the negotiations. We should then find out what we are talking about and see where the differences are. I mean all our agreements with third countries are at least hundred pages long and so even counting annexes. We maybe can agree on something with Russia, that is a bit shorter than that, but it is not going to be three pages.

Fabrizio Tassinari. By and large I do not think I disagree with you [Nadezhda Arbatova]. The options I mentioned were rather hypothetical options. From the least you can go to the highest you can go. When I said about the declaration, it wasn't ment to substitute the agreement. It was meant to top it up. The main point is about what you mentioned. I remember it because you compared it to my own country, Italy. Italy in the 60's, you said, was not yet a developed country; it was on its way to be transformed into a fully-fledged developed country...

Надежда Арбатова: «Я сказала, что Италия тоже прошла этот путь государственного монополистического капитализма. Но прошла его гораздо раньше со всеми сопутствующими тому явлениями. Ты, Фабрицио, знаешь книжку **Кико Мандела** про Италию, она как раз была написана в 60-е годы. И там говорилось о влиянии групп давления, о лоббизме, о вмешательстве крупных монополий во внешнюю политику Италии. Это сравнение не буквальное, это сравнение относительное, что каждая страна проходит в свое время определенный отрезок. Я не хотела сказать, что Италия и Россия могут быть полностью, так сказать, сравнимы. Но, вы прошли этот путь гораздо раньше, чем мы».

Fabrizio Tassinari. Yes, but that, indeed, follows my line. I wasn't thinking about the two countries being the same, not at all. What I am wondering is: does Russia's current leadership agree with you? Does Russia's current leadership agree with this perspective? I mean does the current leadership agree with the fact that Russia is going through transition? I mean the sentences, for example, the one I mentioned about not imposing artificial standards on each other. Or definitions like *sovereign democracy*, that have come up time and again over the past year. What do they tell us about Russian perception of itself? It is not a critical question, just to know what does the Russian leadership thinking about itself. Which takes me really to a last comment and that was rather to Michael Webb's remark on what should there be in the framework agreement. How do we define the framework agreement? I think it will be extremely interesting and fascinating to define common values in this common agreement. And I think under the current circumstances it will not be a very easy exercise. But what can be done, and this is a proposal I would put down, is that much stronger emphasis should be made in whatever agreement will be eventually negotiated on those conventions in the Council of Europe context, in the UN context, which have been ratified both by Russia and by the EU member states. That is the least common denominator to define what common values are.

Dzintra Bungis. I would like to agree again with my neighbor, because I do feel that it is the way to the future. Because I think values are a challenge, but it is a welcome challenge. And it is a challenge that I think in the long term, in the quite long term, is going to be the backbone of good relations between the EU and the Russian federation. And that recipe that Fabrizio suggested, I think, is a very realistic one. So let's approach it from a realistic point of view: what exists, what can be achieved and what we can build on? And this is why I referred back to the document by the Russian federation on its strategy toward Europe. We can build on that while it is still in effect. We can also build on the EU strategy toward the Russian federation; it is now out-dated, but it is not so in content. Let's build on it and let's proceed.

Марина Лебедева, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД РФ (Россия).

«Спасибо большое. Я хочу поблагодарить докладчиков и всех выступающих в дискуссии. На мой взгляд, действительно очень интересное начало конференции.

Я хотела бы сказать о следующем по сегодняшней нашей проблематике. Как известно, существуют два классических русских вопроса – кто виноват, и что делать? Вот я бы хотела отложить первый вопрос немножко в сторону, а поговорить о том, что делать? Понятно, что ситуация такая немного странная между Россией и ЕС, в том отношении, что она заморожена, и в действительности она длится, не какие - то там несколько месяцев, перед Самарой и вот несколько дней после Самары, а длится, в общем - то уже достаточно длительный период. Можно конечно вспомнить здесь солдата Швейка и сказать – ничего страшного, всё равно оно как-нибудь будет, потому что никогда не было так, чтобы никак. На мой взгляд, это не самый лучший вариант. Мне кажется, что стоит подумать, чтобы что-то всё-таки сделать. Здесь я вижу два варианта. Первый вариант ориентирован на региональные проекты, а второй глобальный.

Начнём с первого. И так региональный вариант. Здесь бы я согласилась с Надеждой Арбатовой. Я прошу извинить меня экономистов и тех, кто связан с энергетикой, я понимаю, что сейчас в зале таких людей очень много. Но мне представляется, что мы действительно увеличиваем значение этого фактора. Еще раз хочу сказать, это не значит, что он отсутствует. Действительно энергетика, экономика - это очень важные сферы и надо проводить сотрудничество. Оно будет, и так далее. Но, на мой взгляд, ситуация здесь такая же как примерно была в 70-е годы, когда мы не видели экономические факторы, видели только военно-политические факторы. В результате весь мир удивился – а как так, нефтяной кризис и вдруг пришлось сесть за стол переговоров. Все думали, что вопрос и так решится. И я думаю, что сегодня мы недооцениваем одну очень важную сферу - гуманитарную, социальную сферу и так

далее. Я понимаю, что она покрывается четырьмя пространствами. Но дело то в том, что, Надежда Арбатова сказала, что здесь проблем нет, но и дел нет. И в этом основная проблема.

И вот здесь мне представляется, что стоит пойти двумя путями - первый путь может стимулировать развитие социальных проектов, социально - гуманитарных проектов, сверху создавая особые условия для реализации этих проектов. Я имею ввиду сферу образования, сферу науки, здравоохранения, туризм. Всё, всё туда должно входить, потому что эти контакты действительно будут способствовать взаимопониманию и снятию тех многих проблем, негативных образов, которые существуют. И такие проекты со странами Балтии, Латвии, в частности, России, очень перспективны, и их надо стимулировать, как я уже сказала и сверху и снизу. То есть, чтобы эти проекты как бы прорастали и были снизу.

Говоря о том, что нам нужен глобальный проект России и ЕС. Вообще такая не определённая ситуация России и ЕС, на мой взгляд, потому что нет того, что можно назвать проектом. Нет чего-то, чтобы стимулировало это, нет стратегии. Нет идеи – куда, зачем, почему. Нет глобального, на глобальном уровне стратегии. Мир очень сильно меняется, меняется по многим основаниям. И какие новые правила, я имею в виду сейчас Вестфальскую модель мира. Она изменяется, потому, что реалии стали другими, нравится нам это или не нравится. Выстраивания новых правил взаимодействия в мире нам очень, очень нужно. Вообще Вестфальская модель, если хотите, зародилась в Европе. Это интересно. Европейцы, наши с вами предки, в своё время гениальное сделали изобретение, более 350 лет тому назад. И может быть, мы вернёмся, в том смысле, что попробуем сделать уже в новых условиях эти правила, новые правила игры, правила поведения, если более точно говорить. Как должно устроиться взаимодействие, так, что бы учитывать интересы меньшинства, учитывать интересы неправительственных организаций, учитывать интересы государств, которые включены в ЕС на разных скоростях, на разных уровнях и так далее. Вот весь этот комплекс взаимодействия очень интересен, нам надо сесть и посмотреть, насколько он применим к другим регионам. Я имею в виду механизмы, которые не работали. Посмотреть как это может работать, потому что в мире сейчас эти проблемы стоят очень остро. Спасибо».

Леонид Григорьев, к.э.н. президент Фонда «Институт энергетики и финансов» (Россия)

«Во-первых, к вопросу состояния нашей экономики и общества. Последние 8 лет быстрого подъема, в 11% в среднем в год, рост личного потребления в реальном выражении. Но мы даже в нынешнем году только выходим по ВВП на 1990 год. Это всё равно ниже 1989. Если провести плоскую черту, то мы потеряли пять лет, пять лет ВВП из 18. Если представить себе умеренные 2% роста с 1989 по 2007, то мы потеряли 7 полных лет из 18. Мы выходим их тяжелейшего кризиса. И в таком положение находится, хотя последние годы выглядят хорошо, и общество, и государство, и экономика еще выходит из кризиса. И мы должны, на мой взгляд, заняться нашими внутренними делами. Мы точно не имеем сил на какие-то там излишние эксцессы. Мы должны быть очень сосредоточены на своих собственных интересах.

Второе. Всё обучение в Российских школах глубоко европейское. Моя семья преподаёт в России с 19 века. У меня дочка в 7 классе, она уже проходила все законы Саона, реформу Петра. Это глубоко Европейское обучение. Наш школьник, выпускник средней школы знает больше чем выпускник Американского университета об Американской истории, но, не говоря уже о мировой. Я шучу. Это совершенно сопоставимые вещи. Мы европейцы, мы точно не европейцосоюзники. То есть, мы точно не члены по психологии Европейского Союза. Представить себе Российских бояр подчиняющихся Брюсселю не возможно. Это я как наблюдатель обеих бюрократий говорю. Они могут сами о себе думать, что угодно, но они не совместимы.

И третье. Россияне в Европе, это живущие там пара миллионов, в основном - это профессионалы, это интеллигенция. Мы потеряли эти пару миллионов людей только в Европе. Мы ездим туда – сюда. И наши студенты попадают среди первых в университеты и последние в консульства. Давайте начнём с людей. У меня свой счёт к европейским консульствам. Моих студентов в Европе в консульствах обижают и относятся к ним безобразно. Просто безобразно! У меня люди с Оксфордскими стипендиями в Лондоне не могут получить визу в Европу, ни в Москве, ни в Лондоне! К ним относятся как к подозрительным иностранцам, пытающимся проникнуть на континент. И вот эта часть, она очень чувствительная, она заметна. Поэтому я поддерживаю все гуманитарные грани. Но тот вопрос о взаимоотношениях, он должен начаться с того, что, всё-таки то, что мы не члены Союза, не означает, что мы не европейцы и к нам можно относиться на небрежном человеческом уровне. Спасибо».

Dr. Susanne Peters, Kent State University, Geneva, Switzerland.

I am a bit surprised about the consensus of the speakers this morning, who don't seem to see a real crisis between Russia and the EU. I think that was very different for the participants in February at the security conference in Munich when Putin gave his chilling speech, which was called revival of the cold war. Of course he was referring to the missile defense system, in Poland and to the radar system in the Czech Republic. And I don't know whether there is a particular reason why speakers so far have not alluded to that? Then I would like to hear why, then I would like to have a reaction from our Polish representative and maybe from our EU representative Mr. Webb what now the EU's view at the moment? Is that also something we can easily ignore? Thank you.

Michael Webb. I said that there is not a crisis; everything is not bad in the EU – Russia relations. There are problems and missile defense is one of them, certainly. There are a lot of good points as well. The first, standard answer is that missile defense is not an EU issue, this is an issue for NATO, and this is bilateral issue for Russia to discuss with US and with the countries concerned. But I fully except that is not an answer; it does affect Russia's relations with the EU. There is a need for us to take a common line and certainly to explain to Russia that, as far we are concerned, what is being done is not in anyway against Russia, it is against rouge states and the possibilities of a rouge nuclear threat in that sense. This needs to be solved through dialog between the proper channels and it certainly involves the US. I am certainly not saying that missile defense is not a problem; there are other problems too. We disagree in Kosovo and it is very important that we resolve those disagreements.